

«От саркосельских лип до башен Гибралтара»

О ПАМЯТНИКЕ
А. С. ПУШКИНУ
В МАДРИДЕ

В парк «Фуэнте дель Берро» меня привел мой давний знакомый Энрике Тьерно Гальван. Пройдя по аллеям мимо высоких сосен и вечнозеленого лавра, мы остановились на небольшой площадке, в центре которой и была цель нашей прогулки — памятник А. С. Пушкину.

Человек, приведший меня на свидание с Пушкиным, заслужил того, чтобы посвятить ему особый рассказ. Но мы пришли для другого, и поэтому назову лишь некоторые вехи биографии своего спутника: до гражданской войны — студент, затем солдат армии Народного фронта, узник концлагеря франкистов, после освобождения — студент и выпускник университета, молодой ученый. Потом снова арест и тюремное заключение за поддержку лозунгов антифранкизма, эмиграция и преподавательская работа за рубежом, возвращение на родину, участие в создании подпольной Демократической хунты. И, наконец, уже после смерти Франко, восстановление в правах, избрание в парламент, активная политическая деятельность в рядах Испанской социалистической рабочей партии, участие в антивоенном движении.

Впервые мы встретились с Тьерно Гальваном более десяти лет назад, когда ему еще надо было опасаться преследований со стороны полиции. И вот теперь новая встреча, в совершенно иных условиях. Рядом со мной мэр столицы Испании.

— Я обещал привести тебя к твоему соотечественнику и выполняю свое обещание, — говорит Энрике, продолжая разговор, начатый в здании муниципального совета. — Это подарок, который мы получили от москвичей в январе 1981 года. Мне очень хорошо запомнилась торжественная церемония открытия памятника. Тогда было сказано много очень правильных слов и о вкладе Пушкина в сокровищницу мировой литературы, и о том, что культура сближает народы, и, конечно же, несовместимости творческой природы личности с милитаризмом, который воздвигает между людьми барьеры вражды и ненависти.

Идея соорудить в Мадриде памятник Пушкину принадлежала моему другу — он заранее деликатно дал понять, какой дар был бы особенно приятен мадридцам. Можно было задать вопрос: почему именно Пушкину, а скажем, не Глинке или Римскому-Корсакову, которые так широко использовали испанские мотивы в своих музыкальных произведениях?

Мне кажется, найти ответ на этот вопрос нам помогут наблюдения, сделанные в Испании еще в первой половине прошлого века известным русским литератором и путешественником В. П. Боткиным. В своих «Письмах об Испании» он констатировал, что «ни один народ не имеет такой богатой, поэтиче-

ской литературы, как испанцы; народная поэзия их живет не в книгах, а в непрерывном изустном рассказе».

— В Мадриде немало интересных памятников, — обратился я к своему спутнику. — Стал ли для мадридцев «своим» этот, присланный из Москвы? Ходят ли они к нему, знают ли, в честь кого он сооружен?

— Жители моего города действительно избалованы обилием памятников тем, чьи имена вошли в историю цивилизации, — ответил Тьерно Гальван. — Но комовский Пушкин — мадридцы знают и имя создателя памятника Олега Комова — занял особое место в их сердцах. Гений русской поэзии известен испанцам по многочисленным переводам его стихов и прозы. Естественно, нам особенно близки испанские мотивы в его творчестве. Что касается этого памятника, не сомневаясь, скажу словами самого поэта: «К нему не зарастет народная тропа»...

— А не можешь ли рассказать историю этого дара?

— С удовольствием! Тем более что я с самого начала был одним из ее непосредственных участников. Если ты помнишь, после 1979 года, вскоре после вступления в силу конституции, которая окончательно перечеркнула фашистское законодательство Франко, в Испании были проведены муниципальные выборы. В большинстве городов страны, в том числе и в столице, победу одержали левые. Незадолго до этих выборов я был избран депутатом парламента от Мадрида, но отказался от своего депутатского мандата, чтобы принять участие в борьбе за столичную мэрию. И не ошибся: мадридцы доверили мне почетный и ответственный пост мэра. А в конце того же года мы подписали протокол о сотрудничестве с Моссоветом. За ним последовало соглашение о дружественных связях Мадрида и Москвы, заключенное в мае следующего, 1980 года. Было оговорено наладить обмен информацией о развитии городского хозяйства, обмен официальными делегациями и группами специалистов. Договорились мы и о взаимном сооружении памятников.

— В Московском парке дружбы в ноябре 1981 года был открыт подаренный вами памятник Сервантесу...

— Да, это копия установленной в Мадриде в 1835 году работы известного испанского мастера Антонио Сола. Кстати, сначала мы планировали направить в Москву копию другого мадридского монумента. Мы собирались подарить москвичам знаменитого «Медведя у земляничного дерева». Как ты знаешь, это своего рода символ нашего города. Оригинал памятника находится на площади Пуэрта дель Соль, в самом центре Мадрида. Однако по ряду причин наша задумка не удалась. И, думаю, жа-

Памятник
А. С. Пушкину
в Мадриде
работы
народного
художника
РСФСР
О. К. Комова

леть об этом не стоит. Потому что Сервантес, который в конце концов прибыл в столицу СССР в качестве посланца дружественного Мадрида, занимает в истории испанской культуры такое же место, какое Пушкин занял в истории нашей. Так что наши послы выступают, если можно так выразиться, в одном и том же высоком ранге.

А теперь вернемся в Москву, в город, направивший в качестве посла в Мадрид великого русского поэта. В своей творческой мастерской меня принял автор памятника народный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР Олег Константинович Комов. Этот известный советский скульптор создал целую серию памятников людям, оставившим глубокий след в истории нашей Родины: Юрию Долгорукому, Александру Невскому, Дмитрию Донскому, Андрею Рублеву, А. В. Суворову, А. С. Пушкину, М. Ю. Лермонтову, М. Е. Салтыкову-Щедрину, И. Е. Репину. За создание памятника А. Г. Венецианову в г. Вышнем Волочке в 1981 году ему была присуждена Государственная премия СССР.

О. К. Комов — создатель целой Пушкинианы. В нее вошли памятники Пушкину в Калининне, Болдине и в молдавском селе Долна (теперь Пушкино). Этот последний памятник и был ваят скульптором за основу при подготовке варианта для испанской столицы.

— Почему именно этот? — С таким вопросом я обратился к Олегу Константиновичу. Он ответил:

— Прежде всего хочу подчеркнуть, что испанцы хотели именно Пушкина, а не кого-нибудь из более близких нам по времени литераторов. Великий русский поэт ушел из жизни полтора века назад, и он как бы воплощает непреходящие истины человеческого бытия. Теперь о молдавском варианте. Получив предложение подготовить памятник для Мадрида, я и сам долго размышлял, как лучше поступить. Можно было, конечно, создать целиком новое произведение. Но постепенно я все больше утверждался в мысли о том, что мадридцам должен импонировать молодой поэт, человек сильных страстей и мятежных настроений. Именно таким он прибыл в ссылку в Молдавию. И именно таким я постарался его изобразить, готовя памятник, который был установлен в Долне, недалеко от Кишинева. Там, где Пушкин встретился с цыганами.

О. К. Комов на минутку останавливается:

— Трудно выразить словами то, что чувствуешь сердцем, понимаешь разумом и лепишь своими руками... — Потом продолжает:

— Одним словом, меня привлек образ молодого Пушкина — ссыльного и, как я ожидал, этот вариант понравился также испанцам. Почему? Может быть, и потому, что он преисполнен романтизма, а испанцы не только борцы и бунтари, но и романтики. Помимо всего прочего их привлекала и трагическая судьба поэта, его гибель на дуэли. Кстати, открытие памятника в Мадриде состоялось в день последней дуэли поэта — 27 января.

Слушаю О. К. Комова и вспоминаю поразившие меня когда-то слова выдающегося испанского поэта Федерико Гарсиа Лорки: «Во всех странах смерть означает конец. Она приходит — и занавес падает. А в Испании нет. В Испании занавес только тогда и подни-

мается». Нелепая дуэль оборвала жизнь Пушкина в момент, когда он находился в самом расцвете творческих сил. Сколько прекрасных произведений он мог бы создать еще, какими шедеврами обогатил бы сокровищницу человеческой культуры! Но уйдя в небытие, он шагнул в бессмертие. И против этого бессильна даже сама смерть.

— А как было выбрано место для памятника?

— Когда этот вопрос встал перед нами впервые, была выдвинута идея использовать парк Ретиро, расположенный в самом центре Мадрида, рядом со знаменитым музеем «Прадо». Но от этой идеи вскоре отказались и, с моей точки зрения, поступили правильно: в этом парке так много скульптурных фигур, что среди них наш Пушкин просто затерялся бы. Предложение установить памятник в парке «Фуэнте дель Берро» было сделано Энрике Тьерно Гальваном. И это была отличная идея.

— Вероятно, вы заранее представляли себе, как памятник впишется в ту местность, для которой он предназначался?..

— Должен сказать, что впервые я побывал в Испании (в качестве туриста) в 1979 году. Мы посетили тогда Мадрид, побывали также в Толедо, Севилье, Гранаде, Кордове. Это было первое личное знакомство с родиной Сервантеса. Поэтому, когда мне предложили сделать памятник для испанской столицы, я уже представлял себе достаточно четко, до кого должен донести облик нашего великого поэта. Архитектурное решение взяли на себя испанцы, которые при этом советовались с нами. Участок был спланирован совместно, так же, как и конфигурация постамента. В качестве места установки памятника, как мы уже отметили, был выбран парк «Фуэнте дель Берро», где находится Музей археологии Мадрида. Первоначально наши мадридские коллеги предлагали использовать середину этой емкости. Мы с моей женой архитектором Ниной Ивановной Комовой предложили иной вариант установки: на ось с крыльцом дома с фасадом на партер. Так памятник и был установлен, и он как бы сопрягается с домом, вписываясь в этот партер. По отзывам специалистов и местной печати, место для нашего Пушкина было выбрано правильно. И сам его облик не оказался для испанцев «экзотическим». Он был им чем-то сродни, может быть, кудрявостью головы, линией губ, некоторыми мавританскими чертами, присущими многим жителям этой страны (вспомним, что Испания на протяжении семи с лишним веков находилась под владычеством мавров). Так что даже если и не все здесь знают, кто такой Пушкин, он воспринимается как свой, близкий по духу испанцам человек. И еще одна деталь: недавно я получил слайд памятника, сделанный в самое последнее время. И мне было приятно, что памятник не испачкан надписями, которые, к сожалению, стали часто появляться на Западе, где с помощью цветных аэрозолей противоборствующие группировки пропагандируют свои лозунги. Появилось только сердечко на постаменте.

— Не могли бы вы подробнее рассказать о вашем сотрудничестве с испанцами при установке памятника?

— Нам было очень приятно работать вместе с мадридским архитектором Паласисом. Это отличный профессионал, человек, хорошо

знающий свое дело и лишенный оформительско-модернистических завихрений. Когда мы выслали ему фотографию статуи, Паласис уже имел определенное представление о том, каким должен быть постамент. А к моменту нашей встречи, имея на руках фотографию, сделал новое предложение, которое, по существу, совпадало с нашим и было выдержано в лучших классических традициях. Разница в размерах, предлагавшихся нами и им, была где-то в двух-трех сантиметрах. И это совпадение идей сразу же облегчило поиск общего языка. Правда, как мне показалось, поначалу Паласис был несколько смущен, увидев, что я приехал вместе с архитектором-женщиной, которая к тому же была моей женой. Однако, как я сказал, когда мы сравнили его вариант с нашим, он сразу как бы оттаял. И мы узнали открытого, доброжелательного человека. Он сделал многое, чтобы под памятником была целая глыба постаментов, а не бетонное основание, облицованное плитками. И убедил в необходимости такого решения мэра города Эрикке Тьерно Гальвано.

— Сколько времени продолжалась работа по установке памятника?

— Удивительно мало. Она заняла в общей сложности четыре месяца. С модели молдавского Пушкина была снята форма. Я несколько поменял положение руки, внес целый ряд других корректив, но, повторю, основа — молдавская модель — уже существовала. Вообще, если я делаю новый вариант, то стремлюсь делать его так, чтобы он отличался от первоначального, скажем, жестом, иначе это будет обыкновенная реплика. Изготовление памятника было поручено нашим мастерам в Мытищах. Со своей задачей они справились отлично.

— А как была организована доставка в Мадрид?

— Был выделен грузовой самолет (скульптура весила полторы тонны), и этим самолетом по специальному воздушному коридору статуя была доставлена в столицу Испании. Если бы она была отправлена иным способом, скажем, морем, по железной дороге или автотранспортом, перевозка затянула бы время. Испанцы осуществили эту работу очень быстро, в рекордно короткий срок. К тому же безо всякой шумихи и суетни. Быстро и аккуратно был подготовлен фундамент и установлен камень. При этом рабочие не попортили даже самого крохотного участка земли по соседству. В Мадриде даже кран был подобран таким образом, чтобы размер его колеи соответствовал ширине дорожки, ведущей к месту установки монумента. Дерн для устройства газона привезли на тачке с резиновым колесом, чтобы не осыпалась земля с корней травы. Всю эту работу взяла на себя небольшая специализированная фирма, приглашенная городскими властями Мадрида для этой работы.

— И вы все время были рядом с рабочими?

— Не могу не рассказать о том, как надоевшей по-доброму подшутили. Я хотел присутствовать при установке скульптуры на пьедестал. Мне ответили, что вообще-то у них не принято, чтобы кто-то со стороны следил за тем, как рабочие выполняют порученное им дело. Чертежи имеются, все указания даны,

все всем ясно, и рабочие готовы сделать то, что от них требуется, сами. Одним словом, мне предложили не приезжать на монтаж, а вместо этого немного погулять по городу. Однако я настаивал на своем, и испанцы в конце концов сдались. Наш разговор состоялся в понедельник, и мы условились завершить работу в среду. Каково же было мое удивление, когда, приехав в условленный день и час, я увидел, что вся работа уже завершена, причем на самом высоком уровне. Мне оставалось лишь развести руками. И могу теперь сказать одно: эта совместная работа с испанцами произвела на меня самое хорошее впечатление.

О. К. Комов вспоминает, что во время поездки за Пиренеи побывал в древней испанской столице — Толедо. Там ему было предложено изваять статую Федерико Гарсиа Лорки, который погиб от рук франкистов в самом начале гражданской войны.

— Было условлено, — говорит мой собеседник, — что официальное предложение об этом будет сделано нашему посольству в Мадриде. Но то ли мы друг друга не поняли, то ли не сработал какой-то дипломатический механизм, но наша предварительная договоренность осталась без последствий.

«А жаль, — подумал я про себя. — Было бы очень интересно увидеть в комовском исполнении одного из лучших представителей испанской поэзии, который был большим другом нашей страны и высоко ценил русскую культуру».

Впрочем, визиты О. К. Комова за Пиренеи не ограничились работой, связанной с установкой памятника А. С. Пушкину. В мэрии испанской столицы была организована выставка фотографий скульптурных работ, а также рисунков Олега Константиновича. Судя по откликам печати, она имела успех. О. К. Комов сделал несколько карандашных портретов испанцев, с которыми встречался у них на родине. Он запечатлел, в частности, скульптора Серрано, известного промышленника и политического деятеля Гарригеса, крупного биолога, одного из основателей общества дружбы «Испания — СССР» Фаустино Гордона Бонета, писателя Рамона Эрнандеса.

Нельзя не упомянуть об одном обстоятельстве, которое навеивает определенные размышления. В Испании ежегодно бывает около сотни миллионов иностранных туристов. Эта цифра приблизительно равняется численности населения страны. Среди иностранцев, посещающих Мадрид, немало советских людей. Однако, как я узнал от своих друзей, приезжавших туда по туристическим путевкам, далеко не каждому удается побывать в парке «Фуэнте дель Берро» и отдать дань памяти нашему великому поэту. Туристические маршруты, как правило, проходят вдали от этого места, ставшего для нас святым, благодаря руководителям двух столиц и, конечно же, Олегу Константиновичу Комову.

Итак, наш Пушкин, комовский Пушкин стал неотъемлемой составной частью сегодняшнего Мадрида. Через него как бы протянулась еще одна ниточка дружбы между народами Советского Союза и Испании.

А. А. Красиков, журналист-международник

Мадрид — Москва

*Пушкин
есть явление чрезвычайное
и может быть единственное явление
русского духа:
это русский человек в его развитии,
в каком он может быть явится
через двести лет.*

Н. В. ГОГОЛЬ

*...Не было поэта
с такой всемирною отзывчивостью,
как Пушкин,
и не в одной только отзывчивости тут дело,
а в изумляющей глубине ее,
а в перевоплощении своего духа
в дух чужих народов,
первоплощении почти совершенном,
а потому и чудесном,
потому что нигде, ни в каком поэте целого мира
такого явления больше не повторилось.*

*Это только у Пушкина,
и в этом смысле, <...> он явление невиданное
и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо...
ибо тут-то и выразилась именно
народность его поэзии,
народность в дальнейшем своем развитии,
народность нашего будущего,
таящегося уже в настоящем,
и выразилась пророчески.*

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

*Мы знаем Пушкина — человека,
Пушкина — друга монархии,
Пушкина — друга декабристов.
Все это бледнеет перед одним:
Пушкин — поэт.*

А. А. БЛОК

*Постичь Пушкина —
это уже нужно иметь
талант.*

С. А. ЕСЕНИН